

А

Дмитрий Иванович Писарев.

**Женские типы в романах и повестях
Писемского, Тургенева и Гончарова**

Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859-1862
М., Государственное издательство художественной литературы, 1955
OCR Бычков М.Н.

I

Сколько лет уже живут люди на свете, сколько времени толкуют они о том, как бы устроить свою жизнь поизящнее и поудобнее, а до сих пор самые простые и положительно необходимые отношения не установились как следует. До сих пор мужчина и женщина мешают друг другу жить, до сих пор они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами, отравляют друг другу жизнь. Разойтись они не могут, сойтись как следует не умеют и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются в такие сложные, мучительные, неестественные отношения, о которых свежий человек с здоровым мозгом не может себе составить даже приблизительно-верного понятия. Мужчина гнетет женщину и клеветает на нее. Взгляните на восточные гаремы, вспомните о тех законах, по которым вдова должна была сжигаться на костре покойного мужа, вспомните те странные статьи первобытного уголовного кодекса, в силу которых нарушительница супружеской верности подвергалась смертной казни или по меньшей мере жестокому и унижительному телесному наказанию, – вспомните все это, и вы увидите ясно, что на стороне мужчины всегда находились сила, власть и неограниченное право мучить по своему благоусмотрению подчиненную, безответную и, сравнительно с ним, слабую спутницу. Загляните потом в литературу всех народов, начиная с древнейших времен, пересчитайте, если у нас на то хватит сил и сведений, все ядовитые или просто грязные обвинения, направленные против женщины вообще, и вы увидите так же ясно, что мужчина, постоянно развращавший женщину гнетом своего крепкого кулака, в то же время постоянно обвинял ее в умственной неразвитости, в отсутствии тех или других высоких добродетелей, в наклонности к тем или другим преступным слабостям. Обвинения эти делались, конечно, чисто с точки зрения самого обвинителя, который в своем собственном деле являлся обыкновенно истцом, судьей, присяжным и палачом. Если, например, молодому образованному греку времен Перикла было скучно сидеть с своею женою, которая не знала ничего, кроме своих рабынь и шерстяной пряжи, то он громко обвинял ее в тупоумии и уходил с веселыми приятелями к модной гетере, где, конечно, находил полное сочувствие своему семейному горю, а вслед за сочувствием отыскивал и утешение. Жена, существо молодое, свежее, способное развиваться и наслаждаться, оставалась одна, не смея даже роптать, с тихим, затаенным вздохом принималась опять за пряжу, робко поджидала возвращения господина-супруга, стыдливо занимала его полупьяные ласки и, не получая ниоткуда притока свежего воздуха, постоянно тупела и с каждым днем сильнее и сильнее надоедала своему мужу. Возьмем другой пример.

Если богатый мусульманин, владетель великолепного гарема, не имел возможности любить с одинаковою силою всех своих жен и любовниц и если одна из оставленных одалисок искала себе утешения в какой-нибудь посторонней привязанности, если она успевала склонить стражу и украдкой ввести в гарем своего возлюбленного, – хозяин и властелин считал себя смертельно оскорбленным и самым жестоким образом вымещал свою обиду на своей возмущившейся собственности. Эта собственность зашивалась в мешок и отправлялась на дно ближайшей реки или немилосердно уродовалась палками, плетями, розгами и другими исправительными орудиями, принадлежащими к той же категории.

Но все это, скажет читатель, примеры, взятые из отдаленного прошлого или из другой, уродливо сложившейся цивилизации! Хорошо, возьмем пример из наших времен и из нашего быта. Года четыре тому назад в нашем отечестве был поднят вопрос о воспитании; появилось несколько педагогических журналов, и в них, между прочим, заговорили очень речисто о женщине. На наших женщин напали с двух сторон: во-первых, их раскритиковали в пух как воспитательниц;